

Тара Кортни не надевала белого со дня свадьбы. Ее любимым цветом был зеленый, потому что он лучше всего оттенял ее густые каштановые волосы.

Однако белое платье, которое она надела сегодня, заставляло ее снова почувствовать себя невестой, трепетной и слегка испуганной, но исполненной радости и глубокой серьезности. Манжеты платья и его высокий ворот украсили кружева цвета слоновой кости, и Тара расчесывала волосы до тех пор, пока они не заиграли рубиновыми бликами в ярком свете кейптаунского солнца. Волнение вызвало румянец на ее щеках, и, хотя Тара выносила уже четверых детей, талия у нее оставалась тонкой, как у девушки. Поэтому широкий черный траурный шарф, перекинутый через одно плечо, выглядел более чем неуместным: юность и красота в убранстве скорби. Несмотря на смятение, она стояла молча и неподвижно, сложив перед собой руки и склонив голову.

Без малого пятьдесят женщин, одетых в белое, с такими же черными траурными шарфами, выстроились в ряд. Тара была одной из них. Женщины стояли на тщательно отмеренном расстоянии друг от друга вдоль тротуара напротив главного входа в здание парламента Южно-Африканского Союза.

Почти все они были молодыми дамами из круга Тары, богатыми, привилегированными и скучающими оттого, что жизнь текла мимо, ничего не требуя от них. Многие присоединились к протесту просто ради небольшого эмоционального всплеска, бросая вызов установленной власти и возмущая равных им. Иные стремились вернуть внимание своих мужей, которое угасало после первого десятка лет брака, когда мужчины начинали куда больше интересоваться бизнесом или гольфом и прочими внебрачными делами.

Однако у движения имелось твердое ядро, состоявшее в основном из женщин постарше, но включавшее и нескольких дам помоложе вроде Тары и Молли Бродхерст. Ими двигало только отвращение к несправедливости. Тара пыталась выразить свои чувства этим утром на пресс-конференции, когда женщина-репортер из газеты «Кейп Аргус» резко спросила у нее: «Почему вы этим занимаетесь, миссис Кортни?» — а она ответила: «Потому что мне не нравятся тираны и претит мошенничество». И ее мнение теперь частично оправдывалось.

— А вот и большой злой волк явился, — негромко сказала женщина, стоявшая в пяти шагах справа от Тары. — Держитесь, девочки!

Молли Бродхерст была одной из основательниц «Черных шарфов» — маленькая решительная женщина слегка за тридцать, которой Тара искренне восхищалась и старалась подражать.

Черный «шевроле» с правительственными номерами остановился на углу Парламентской площади, и на тротуар вышли четверо. Один из них был полицейским фотографом, и он тут же принялся за работу: быстро шагая вдоль ряда женщин в белом и черном, фотографировал каждую камерой «Хассельблад». За ним следовали двое с блокнотами. Хотя они были одеты в плохо сшитые темные костюмы, тяжелые черные ботинки выдавали в них полицейских, к тому же эти мужчины вели себя бесцеремонно и деловито. Они обошли шеренгу протестующих и записали имя и адрес каждой участницы акции. Тара, которая схватывала все на лету и уже могла считать себя кем-то вроде эксперта, предположила, что это, скорее всего, сержанты полиции безопасности, но вот четвертого мужчину она, как и большинство женщин, знала и по имени, и в лицо.

Он был одет в светло-серый летний костюм с простым темно-бордовым галстуком; коричневые ботинки и серая фетровая шляпа завершали ансамбль. Несмотря на средний рост и непримечательные черты лица, улыбка у него была широкой и дружелюбной, и он приподнял шляпу, поравнявшись с Молли:

— С добрым утром, миссис Бродхерст. Вы рановато. Процессия появится не раньше чем через час.

— А вы собираетесь сегодня снова нас арестовать, инспектор? — ядовитым тоном поинтересовалась Молли.

— Боже упаси! — Инспектор вскинул брови. — Это свободная страна, знаете ли.

— Вы уже меня дурачили.

— Ах, непослушная миссис Бродхерст! — Инспектор покачал головой. — Вы пытаетесь меня спровоцировать!

Его английский был безупречен, в нем слышался лишь едва заметный акцент африкаанса.

— Нет, инспектор. Мы возражаем против вопиющих махинаций при выборах этого порочного правительства, против искажения закона и лишения основных человеческих прав большинства жителей Южной Африки просто на основании цвета их кожи.

— Мне кажется, миссис Бродхерст, вы повторяетесь. Вы уже говорили мне все это при нашей прошлой встрече. — Инспектор усмехнулся. — Потом вы потребуете, чтобы я снова вас арестовал. Но давайте не будем портить нынешнее грандиозное событие...

— Открытие этого парламента, посвященное беззаконию и угнетению, является поводом для скорби, а не для празднования.

Инспектор коснулся полей своей шляпы, но под его внешне легкомысленными манерами крылось искреннее уважение и, возможно, даже некоторое восхищение.

— Продолжайте, миссис Бродхерст, — тихонько сказал он. — Уверен, мы вскоре снова встретимся.

И он неторопливым шагом проследовал дальше, пока не очутился напротив Тары.

— С добрым утром, миссис Кортни. — Он помолчал, на этот раз не скрывая восхищения. — А что думает о вашем предательском поведении ваш прославленный супруг?

— Разве это предательство — противостоять Национальной партии, которая нарушает закон и проводит политику, основанную на расовой принадлежности и цвете кожи, инспектор?

Его взгляд на мгновение скользнул к груди Тары, пышной и четко обрисованной под светлым кружевом, но тут же вернулся к ее лицу.

— Вы слишком хороши собой для всей этой ерунды, — сказал он. — Оставьте ее седовласым старым девам. Идите домой, там ваше место, и занимайтесь своими детьми.

— Ваше мужское высокомерие просто невыносимо, инспектор. Тара вспыхнула от гнева, не осознавая, что это лишь прибавляет ей привлекательности, только что отмеченной инспектором.

— Мне бы хотелось, чтобы все предательницы выглядели так, как вы. Это сделало бы мою работу намного приятнее. Спасибо, миссис Кортни.

Он улыбнулся, чем окончательно разъярил Тару, и двинулся дальше.

— Не позволяй ему смущать тебя, дорогая, — негромко посоветовала Молли. — Он в этом специалист. Мы протестуем мирно, пассивно. Вспомни Махатму Ганди.

Тара с усилием совладала со своим гневом и снова приняла вид кающейся грешницы. За ее спиной на тротуаре начала собираться толпа зрителей. Ряд женщин в белом стал объектом любопытства и веселья, кто-то их одобрял, кто-то проявлял враждебность.

— Проклятые коммунисты! — ворчливо заговорил с Тарой какой-то мужчина средних лет. — Вы хотите отдать страну в руки толпы дикарей. Вас следует запереть — всех вас!

Он был хорошо одет, говорил грамотно. На его лацкане блестел маленький медный значок в виде шлема, означавший, что во время войны с фашистами этот человек служил в добровольческих силах. Его поведение напоминало о том, сколько молчаливых сторонников имела Национальная партия даже среди англоязычных членов белой общины.

Тара прикусила губу и заставила себя промолчать. Она не поднимала головы, когда грубые насмешки сыпались из уст цветных в собравшейся толпе.

Становилось жарко, солнце сияло ровным средиземноморским светом; и хотя над огромным плоским бастионом Столовой горы уже собирались пухлые облачка, возвещая о перемене ветра на юго-восточный, этот ветер еще не добрался до города, приютившегося у подножия. Толпа к этому времени стала плотной и шумной, и Тару то и дело толкали — намеренно, как она подозревала. Но она держала себя в руках, сосредоточившись на здании по другую сторону дороги.

Построенное по проекту сэра Герберта Бейкера, этого певца имперской архитектуры, оно было массивным и впечатляющим, с колоннадой из красного кирпича на фоне сияющей белизны, что весьма не соответствовало современным вкусам Тары, склонной к открытым пространствам и четким линиям, стеклу и светлой сосновой скандинавской мебели. Это здание словно выражало непоколебимое и устаревшее прошлое, все то, что Таре хотелось увидеть снеженным и выброшенным.

Ее мысли прервал поднявшийся вокруг гул — долгое ожидание с минуты на минуту должно было оправдаться.

— Ну вот, идут! — крикнула Молли, и толпа заволновалась и разразилась приветственными криками.

По мостовой застучали копыта, и на авеню показался верховой полицейский эскорт. На пиках весело развевались флажки, опытные всадники ехали на лошадях одинаковой масти и стати, и конские начищенные бока сияли на солнце, как полированный металл.

За ними катили открытые экипажи. В первом сидели генерал-губернатор и премьер-министр Дэниел Малан, победитель-африканер, с отталкивающим, будто лягушачьим, лицом. Его единственным желанием и заявленным намерением было установить в Африке верховенство африканерского народа на тысячу лет, и никакая цена не казалась ему слишком высокой для достижения этой цели.

Тара уставилась на него с нескрываемой ненавистью. Он воплощал собой все то, что она находила отвратительным в правительстве, обретшем ныне власть над землей и людьми, которых она так страстно любила. Когда экипаж пронесился мимо того места, где она стояла, их взгляды встретились на краткий миг, и Тара постаралась донести до Малана всю силу своих чувств, но тот явно не узнал ее, и даже тени раздражения не мелькнуло в его задумчивом взоре. Он смотрел на нее, но не видел, и теперь к ее гневу примешалось отчаяние.

«Что нужно сделать, чтобы заставить этих людей хотя бы прислушаться?» — гадала она, но важные персоны уже вышли из экипажей и замерли, пока звучал национальный гимн. Тара и не подозревала, что при открытии южно-африканского парламента «Боже, спаси короля» звучало в последний раз.

Оркестр завершил гимн фанфарами, и члены Кабинета министров вслед за генерал-губернатором и премьером вошли в массивную парадную дверь. За ними следовали представители оппозиции. Именно этого момента страшилась Тара, потому что в процессии были ее родные. Сразу за лидером оппозиции шагали отец Тары и ее мачеха. Они составляли самую потрясающую пару среди всех: ее отец был высок и полон достоинства, как лев-патриарх, а под руку с ним шла Сантэн де Тири-Кортни-Малкомс, стройная и грациозная, в желтом шелковом платье, как нельзя лучше подходившем для данного случая, и на ее маленькой аккуратной головке красовалась изящная шляпка без полей, с вуалью, падавшей на один глаз. Мачеха выглядела ровесницей Тары, хотя все знали, что

ее назвали Сантэн¹, потому что она родилась в первый день двадцатого века.

Таре казалось, что ей удалось остаться незамеченной, поскольку никто в семье не знал, что она намеревалась присоединиться к протесту, но на верхних ступенях широкой лестницы процессия на мгновение приостановилась, и Сантэн, прежде чем войти в дверь, намеренно обернулась и посмотрела назад. С такой выигрышной позиции она могла видеть поверх голов эскорта и прочих участников процессии; ее взгляд устремился через дорогу, и она на миг поймала взгляд Тары. Хотя выражение ее лица не изменилось, сила ее неодобрения даже с такого расстояния ударила Тару, как пощечина. Для Сантэн честь, достоинство и доброе имя семьи имели первостепенную важность. Она не раз предостерегала Тару от участия в публичных спектаклях, а неподчинение Сантэн являлось делом рискованным, потому что она была не только мачехой Тары, но и ее свекровью, а заодно и главой семейного бизнеса и распорядителем состояния Кортни.

На полпути вверх по лестнице, за спиной матери, Шаса Кортни увидел, куда направлен яростный взгляд Сантэн, и, быстро оглянувшись, тоже увидел Тару, свою жену, в ряду протестующих с черными шарфами. Когда Тара утром за завтраком сказала ему, что не хочет вместе с ним участвовать в церемонии открытия парламента, Шаса едва оторвал взгляд от финансовой страницы утренней газеты.

— Поступай как знаешь, дорогая. Это будет скучновато, — пробормотал он. — Но не можешь ли ты налить мне еще чашечку кофе?

Теперь, узнав жену, Шаса чуть заметно улыбнулся и покачал головой в притворном отчаянии, словно Тара была ребенком, впутавшимся в дурную проделку, а потом отвернулся, потому что процессия снова тронулась с места.

Шаса был почти до невозможности красив, а черная повязка на глазу придавала ему вид обаятельного пирата, что большинство женщин находили интригующим и вызывающим. Вместе с Тарой они были признаны самой красивой молодой парой в обществе Кейптауна. Но странным было то, что за несколько прошедших лет пламя их любви превратилось в кучку серого пепла.

«Поступай как знаешь, дорогая», — сказал Шаса, как часто делал в последние дни.

¹ От *фр.* *centaine* — сотня.

Последние из рядовых членов парламента исчезли в дверях, верховой эскорт и пустые экипажи уехали, и толпа начала расходиться. Демонстрация закончилась.

— Ты идешь, Тара? — окликнула ее Молли, но Тара покачала головой.

— Мне нужно встретиться с Шасой, — ответила она. — Увидимся в пятницу днем.

Тара на ходу сняла с себя широкий черный шарф, сложила его и спрятала в сумку, пробираясь сквозь редующую толпу. И перешла дорогу.

Она не видела никакой иронии в том, что теперь предъявила швейцару у входа для посетителей свой парламентский пропуск и вошла в учреждение, против которого только что решительно протестовала. Поднявшись по боковой лестнице, она заглянула на галерею для посетителей. Та была битком набита женами и важными гостями, и Тара через их головы посмотрела вниз, в обшитый панелями зал, на ряды членов парламента в темных костюмах, сидевших на скамьях, обитых зеленой кожей, — все они сосредоточились на важном парламентском ритуале. Но Тара знала, что речи будут банальными, пошлыми и скучными до боли, а она с раннего утра стояла на улице... и ей срочно требовалось посетить дамскую комнату.

Она улыбнулась служащему галереи и потихоньку ушла, поспешив по широкому коридору. Закончив свои дела в дамской туалетной, она направилась к кабинету отца, которым пользовалась как своим собственным.

Повернув за угол коридора, Тара чуть не столкнулась с женщиной, шедшим ей навстречу. Она едва успела остановиться и увидела высокого чернокожего человека в униформе парламентского слуги. Она бы прошла мимо, кивнув и улыбнувшись, но тут сообразила, что слугам не следует находиться в этой части здания во время парламентской сессии, потому что в конце этого коридора располагались кабинеты премьер-министра и лидера оппозиции. К тому же, хотя слуга нес швабру и ведро, в его лице не было ничего подобострастного, рабского, и Тара пристально всмотрелась в него.

И тут ее кольнуло странное чувство. Да, прошло много лет, но она никогда не забыла бы этого лица — лица египетского фараона, благородного и жестокого, с темными глазами, в которых светился ум. Он по-прежнему был одним из самых красивых мужчин, кото-

рых ей приходилось видеть, и она помнила его голос, низкий и волнующий, так что одно воспоминание о нем вызвало в ней легкую дрожь. И даже его слова вспыхнули в памяти: «Это поколение, чьи зубы острые, как мечи... чтобы пожрать всю нищету на земле».

Именно этот человек впервые дал Таре понять, что это такое — родиться черным в Южной Африке. И ее истинный выбор произошел во время той далекой встречи. Этот мужчина несколькими словами изменил жизнь Тары.

Она остановилась, загоразивая ему дорогу, и попыталась найти какой-нибудь способ выразить свои чувства, но у нее перехватило горло, и она обнаружила, что дрожит от потрясения. А он в то самое мгновение, когда понял, что его узнали, изменился, как леопард, насторожившийся при запахе охотников. Тара почувствовала, что она в опасности, потому что от него теперь исходило ощущение африканской жестокости... но она не испугалась.

— Я ваш друг, — тихо сказала она и отступила в сторону, давая ему пройти. — Мы на одной стороне.

Мгновение-другое он не двигался, но пристально смотрел на нее. И Тара поняла, что теперь он никогда ее не забудет, от его внимательного изучающего взгляда у нее словно загорелась кожа... а потом он кивнул.

— Я знаю вас, — сказал он, и снова его голос вызвал в ней дрожь, низкий и мелодичный, наполненный ритмом и модуляциями Африки. — Мы еще встретимся.

А потом он пошел дальше и, даже не оглянувшись, исчез за углом обшитого панелями коридора. Тара стояла, глядя ему вслед, и ее сердце бешено колотилось, дыхание обжигало горло.

— Мозес Гама, — громко прошептала она его имя. — Африканский мессия и воин. — Потом, помолчав немного, она встряхнула головой. — Что же ты здесь делаешь, именно здесь?

Возможные причины заинтриговали и взволновали ее, потому что теперь Тара неким глубинным инстинктом ощущала, что крестовый поход близок, и она страстно желала в нем участвовать. Ей хотелось делать нечто большее, чем просто стоять на углу улицы с черным шарфом через плечо. Она знала, что Мозесу Гаме достаточно лишь поманить пальцем, и она последует за ним, как и миллионы других.

«Мы еще встретимся», — пообещал он, и Тара ему поверила.

На крыльях радости она помчалась дальше по коридору. У нее был ключ от отцовского кабинета, и она, вставляя его в замок, остановила взгляд на бронзовой табличке:

ПОЛКОВНИК БЛЭЙН МАЛКОМС
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЛИДЕРА ОППОЗИЦИИ

Тара с удивлением обнаружила, что замок уже открыт, и, широко распахнув дверь, вошла в кабинет.

Сантэн Кортни-Малкомс резко повернулась к ней от окна за письменным столом:

— Я ждала тебя, юная леди.

Французский акцент Сантэн выглядел манерностью, раздражавшей Тару. «За тридцать пять лет Сантэн возвращалась во Францию всего один раз», — подумала она и вызывающе вскинула подбородок.

— Нечего трясти на меня головой, *chérie*¹ Тара, — продолжила Сантэн. — Если ты ведешь себя как ребенок, тебе следует ожидать, что с тобой и обращаться будут как с ребенком.

— Нет, матушка, ты ошибаешься. Я не ожидаю, чтобы ты обращалась со мной как с ребенком, ни сейчас, ни когда-либо еще. Я замужняя женщина тридцати трех лет, мать четверых детей и хозяйка собственной жизни.

Сантэн вздохнула.

— Хорошо, — кивнула она. — Мое беспокойство портит мои манеры, и я приношу извинения. Давай не станем делать это обсуждение для нас труднее, чем оно уже есть.

— Я и не знала, что нам необходимо что-то обсуждать.

— Сядь, Тара, — приказала Сантэн, и Тара инстинктивно повиновалась, тут же рассердившись из-за этого на себя.

Сантэн села на стул отца Тары за столом, и это тоже возмутило Тару — это был папин стул, и Сантэн не имела на него права.

— Ты только что напомнила мне, что ты жена с четырьмя детьми, — тихо заговорила Сантэн. — Разве ты не согласна с тем, что твой долг...

— О моих детях хорошо заботятся, — вспыхнула Тара. — Ты не можешь обвинять меня в этом.

— А как насчет твоего мужа и твоего брака?

¹ Дорогая (*фр.*).

— А что насчет Шасы? — Тара мгновенно заняла оборонительную позицию.

— Это ты мне скажи, — предложила Сантэн.

— Это не твое дело!

— О, как раз мое, — возразила Сантэн. — Я всю свою жизнь посвятила Шасе. Я планирую, что он станет одним из лидеров этой нации...

Сантэн замолчала, ее глаза на мгновение покрылись мечтательной дымкой, она как будто даже слегка прищурилась. Тара и прежде замечала это выражение, когда Сантэн погружалась в размышления, и теперь ей захотелось прервать их как можно резче.

— Это невозможно, и ты это знаешь.

Взгляд Сантэн снова сфокусировался, и она уставилась на Тару:

— Ничего нет невозможного — ни для меня, ни для нас.

— А вот и есть! — злорадно произнесла Тара. — Ты не хуже меня знаешь, что националисты добились победы нечестным путем, что они даже сенат заполнили своими назначенцами. И никогда уже те, кто не принадлежит к националистам-африканерам, не займут в стране положение лидеров, до самой революции, а когда она случится, лидером станет чернокожий.

Тара умолкла и на мгновение вспомнила о Мозесе Гаме.

— Ты слишком наивна, — огрызнулась Сантэн. — Ты ничего не понимаешь в таких вещах. Твои разговоры о революции — ребячество и безответственность.

— Будь по-твоему, матушка. Но в глубине души ты знаешь, что это так. Твой дорогой Шаса никогда не осуществит твои мечты. Даже он уже начинает понимать бессмысленность вечной оппозиции. И теряет интерес к невозможному. Я бы не удивилась, если бы он решил не участвовать в следующих выборах, отказался от политических устремлений, которые ты ему навязываешь, и просто занялся зарабатыванием очередного миллиарда фунтов.

— Нет. — Сантэн покачала головой. — Он не сдастся. Он борец, как и я.

— Он никогда не станет даже членом Кабинета министров, а тем более премьер-министром, — категорически заявила Тара.

— Если ты в это веришь, то ты не жена моему сыну, — сказала Сантэн.

— Это ты говоришь, — негромко произнесла Тара. — Ты, а не я.

— О Тара, дорогая, извини... — Сантэн потянулась через стол, но он был слишком широк, чтобы она могла коснуться руки Тары. —

Прости меня. Я сорвалась. Все это чрезвычайно важно для меня. Это очень серьезная для меня тема, но я совсем не намеревалась настраивать тебя против меня. Я хочу лишь помочь тебе... я так тревожусь за тебя и Шасу. Я хочу помочь, Тара. Ты позволишь тебе помочь?

— Не замечала, чтобы мы нуждались в помощи, — сладким тоном соврала Тара. — Мы с Шасой абсолютно счастливы. У нас четверо чудесных детей...

Сантэн нетерпеливо взмахнула рукой:

— Тара, мы с тобой далеко не всегда сходимся во мнениях. Но я твой друг, это действительно так. Я хочу наилучшего для тебя, Шасы и малышей. Так ты позволишь вам помочь?

— Как, матушка? Давая нам деньги? Но ты уже дала нам десять или двадцать миллионов... или там было тридцать миллионов фунтов? Я иногда сбиваюсь со счета.

— Не позволишь ли мне поделиться собственным опытом? Не выслушаешь ли мой совет?

— Да, матушка. Не обещаю, что приму его, но выслушаю.

— Во-первых, Тара, ты должна оставить эту свою безумную левую деятельность. Ты навлечешь на всю семью дурную славу. Ты выставяешь себя на посмешище, а следовательно, и нас, странно наряжаясь и стоя на углах улиц. Кроме того, это, безусловно, опасно. Коммунистическая партия теперь запрещена законом. Тебя могут объявить коммунисткой вне закона. Просто подумай об этом, ты ведь можешь стать никем, лишиться всех человеческих прав и положения. И дальше — политическая карьера Шасы. То, что ты делаешь, отражается на нем.

— Матушка, я обещала выслушать, — ледяным тоном ответила Тара. — Но теперь я беру свое обещание обратно. Я знаю, что делаю.

Она встала и направилась к двери, но там остановилась и оглянулась:

— Ты когда-нибудь задумывалась, Сантэн Кортни-Малкомс, о том, что моя мать умерла с разбитым сердцем и разбило его твое вопиющее прелюбодеяние с моим отцом? И все же ты теперь можешь сидеть здесь с самодовольным видом и советовать мне, как управляться с собственной жизнью, чтобы не опозорить тебя и твоего драгоценного сына.

Она вышла и тихо закрыла за собой тяжелую дверь из тикового дерева.

Шаса Кортни сидел развалившись на передней скамье оппозиции, сунув руки в карманы, а ноги вытянув вперед и скрестив в лодыжках, и внимательно слушал министра полиции, излагающего подробности законопроекта, который он намеревался представить парламенту на нынешней сессии.

Министр полиции был самым молодым членом кабинета, мужчиной примерно того же возраста, что и Шаса, что было весьма необычно. Африканеры почитали возраст и не питали доверия к неопытности и импульсивности молодости. Средний возраст других членов кабинета националистов был не ниже шестидесяти пяти лет, размышлял Шаса, и все же перед ними стоял Манфред де ла Рей, просто юнец, которому еще и сорока не исполнилось, и излагал основное содержание Акта о поправках к уголовному законодательству, который он предлагал и проводил через разные стадии обсуждения.

— Он просит предоставить ему право объявить чрезвычайное положение, которое поставит полицию выше закона, без обращения к суду, — проворчал сидевший рядом с Шасой Блэйн Малкомс.

Шаса кивнул, не глядя на своего отчима и тестя: он не сводил глаз с выступавшего.

Манфред де ла Рей говорил, как обычно, на африкаансе. В качестве незначительного жеста в сторону англоязычных членов парламента он иногда переходил на английский, но делал это неохотно, в его речи слышался сильный акцент и напряжение. А вот на своем родном языке он говорил красноречиво и убедительно, его ораторское искусство было настолько отточенным, что выглядело совершенно естественным, и он не раз вызывал смехок раздраженного восхищения на скамьях оппозиции и одобрителное «ура!» своей партии.

— Этот парень чертовски нагл и дерзок. — Блэйн Малкомс покачал головой. — Он просит предоставить ему право приостановить действие закона и установить полицейское государство по прихоти правящей партии. Нам придется бороться с этим не на жизнь, а на смерть.

— Именно так! — спокойно согласился Шаса.

Но он понял, что завидует этому человеку и в то же время его таинственным образом влечет к нему. Казалось странным, что их судьбы как будто неумолимо связаны.

Впервые он встретился с Манфредом де ла Реем двадцать лет назад, и они вроде бы без видимой причины тут же набросились

друг на друга, как молодые бойцовые петухи, и дрались на кулаках до крови. Шаса поморщился при воспоминании о том, чем это кончилось, полученная им трепка раздражала его даже спустя столько времени. С тех пор их дорожки пересекались снова и снова.

В 1936 году оба они оказались в национальной команде, которая отправилась в Берлин на Олимпийские игры Адольфа Гитлера, но именно Манфред де ла Рей завоевал на ринге единственную золотую медаль, доставшуюся их команде, а Шаса вернулся с пустыми руками. Они горячо и яростно боролись за одно и то же место на выборах 1948 года, когда Национальная партия стремительно набирала силы, и снова Манфред де ла Рей победил и прошел в парламент, а Шасе пришлось ждать дополнительных выборов в надежном округе Объединенной партии, чтобы сесть на скамьях оппозиции, с которых он опять противостоял своему сопернику. Теперь Манфред стал министром, занял должность, которой Шаса жаждал всем сердцем, и с его несомненно блестящими способностями и ораторским искусством вкупе с политической проницательностью и солидной поддержкой партии будущее Манфреда де ла Рея виделось воистину замечательным.

Зависть, восхищение и отчаянная неприязнь — вот что чувствовал Шаса, слушая этого человека, и внимательно присматривался к нему.

Манфред де ла Рей обладал боксерским телосложением, у него были широкие плечи и мощная шея, но он начал слегка полнеть в талии, а его подбородок немного заплывал. Он не поддерживал себя в форме, и крепкие мускулы понемногу слабели. Шаса с некоторым удовлетворением посмотрел на собственные стройные бедра и подтянутый живот, а потом снова сосредоточился на своем противнике.

Нос Манфреда де ла Рея был искривлен, а поперек одной из темных бровей тянулся блестящий белый шрам — травмы, полученные на ринге. А вот глаза у него были странного бледного цвета, как желтый топаз, неумолимые, как глаза кошки, хотя в их глубине горел огонь незаурядного интеллекта. Как все члены националистического Кабинета министров, за исключением самого премьер-министра, он был высокообразованным человеком, благочестивым и преданным своему делу, полностью убежденным в божественном праве своей партии и своего народа.

«Они искренне верят, что они — Божий инструмент на этой земле. Это и делает их такими чертовски опасными». Шаса мрачно

улыбнулся, когда Манфред закончил речь и сел под одобрительный гул со своей стороны парламента. Националисты размахивали документами с указом, а премьер-министр наклонился, чтобы хлопнуть Манфреда по плечу, в то время как с задних рядов ему передавали десятки записок с поздравлениями.

Шаса воспользовался шумом, чтобы тихо извиниться перед отчимом:

— Я тебе уже не понадобится сегодня, но если что, ты знаешь, где меня найти.

Потом он встал, поклонился спикеру и как можно незаметнее направился к выходу. Однако Шаса был ростом шесть футов и один дюйм, и, с черной повязкой на глазу, темными вьющимися волосами и приятной внешностью, он привлекал к себе немало любопытных взглядов молодых женщин, что сидели на галерее для посетителей, и враждебные оценивающие взгляды со скамей правительства.

Когда Шаса проходил мимо, Манфред де ла Рей оторвался от записки, которую читал, и взгляд, которым они обменялись, был пристальным, но загадочным. Потом Шаса покинул зал, снял пиджак и перебрал его через плечо, отвечая на приветствие швейцара, и вышел на солнечный свет.

У Шасы не было своего кабинета в здании парламента, потому что семиэтажное строение Сантэн-хаус, штаб-квартира «Компании Кортни по разработкам месторождений и финансированию», находилось всего в двух минутах ходьбы через парк. Шагая под дубами, Шаса уже мысленно сменил головной убор, заменяя политический цилиндр на фетровую шляпу делового человека. Шаса делил свою жизнь на две части, и он уже научился сосредоточиваться на каждой из них по очереди, никогда не позволяя распылять энергию, чтобы не ослабить ее.

К тому времени, когда он пересек дорогу перед кафедральным собором Святого Георгия и вошел во вращающуюся дверь Сантэн-хауса, он уже думал о финансах и руднике, жонглируя цифрами и возможностями, взвешивая факты и оценивая собственные предчувствия, и наслаждался игрой денег так же сильно, как наслаждался ритуалами и противоборствами в залах парламента.

В холле с мраморным полом и колоннами его встретили стоящие за стойкой приема две хорошенькие девушки, лица которых расцвели улыбками.

— Добрый день, мистер Кортни, — одновременно произнесли они, и Шаса одарил их ответной улыбкой, направляясь к лифтам.

Его реакция была чисто инстинктивной: ему нравилось видеть вокруг симпатичных женщин, хотя он никогда не прикоснулся бы ни к одной из своих служащих. Это казалось ему чем-то вроде кровосмесительства, непорядочным действием, ведь они едва ли смогли бы ему отказать, слишком это походило на выстрел по сидящей птице. Но девушки за стойкой все равно вздохнули и закатили глаза, когда дверь лифта закрылась за Шасой.

Джанет, его секретарь, услышала, как поднялся лифт, и уже ждала, когда откроются двери. Она была вполне во вкусе Шасы — более зрелая и уравновешенная, ухоженная и деловитая; и хотя она почти не пыталась скрывать свое восхищение, правила, установленные Шасой для самого себя, действовали и здесь.

— Что мы имеем, Джанет? — спросил он, и, следуя за ним через приемную в его кабинет, она на ходу зачитала список встреч на остаток дня.

Прежде всего Шаса подошел к стоявшему в углу телеграфному аппарату и просмотрел ленту с ценами на момент закрытия биржи. Фунт упал почти на два шиллинга, пора было снова покупать.

— Позвони Аллену и отмени встречу. Я еще не готов, — сказал он Джанет, направляясь к своему письменному столу. — Дай мне пятнадцать минут, потом созвонись с Дэвидом Абрахамсом.

Когда Джанет вышла из кабинета, Шаса просмотрел полученные по телетайпу сведения и срочные сообщения, оставленные ею. Он делал это быстро, не отвлекаясь на величественную картину Столовой горы в окне на противоположной стене; и когда зазвонил один из телефонов, он уже был готов говорить с Дэвидом.

— Привет, Дэви, как дела в Йоханнесбурге?

Вопрос был риторическим, Шаса прекрасно знал, что там происходит и что он намерен с этим делать. Ежедневные доклады и сметы лежали среди бумаг на его столе, но он внимательно выслушал выводы Дэвида.

Дэвид был управляющим директором компании. Они с Шасой дружили еще с университетских дней, и Дэвид был так близок с Шасе, как никто другой, кроме Сантэн.

Хотя алмазный рудник Ха'ани, расположенный на севере, рядом с Виндхуком, по-прежнему оставался основным источником процветания компании, как и все тридцать два года с тех пор, как Сан-